

Алексеев Сергей Викторович*, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества "Радетель", доктор исторических наук, профессор.

Откуда мы знаем о язычестве древних славян? Реальность и фантазии писателей¹

Мифологизация и фальсификация истории – острая проблема сегодняшнего дня. Вполне естественным образом внимание заинтересованной общественности приковывается к болевым точкам истории России XX в. Однако искажение исторической реальности не ограничивается этим временем. История даже самых отдалённых веков становления русской государственности вполне подвержена бездумному, а иногда вполне сознательному "фантазированию", обращённому чаще всего к молодёжной аудитории². Немалое место здесь занимает романтизация догосударственного и дохристианского прошлого Древней Руси и славянства в целом. Естественное, особенно для авторов популярной литературы, стремление изобразить прошлое своей страны в виде позитивного мифа вольно или невольно приводит к значительным историческим подлогам. Под вопрос ставятся значимость христианизации Руси, появления славянской грамоты, а подчас и всего реального исторического пути, пройденного русским народом. Он подменяется додуманными и выдуманностями подробностями истории небывалой "языческой цивилизации". Частным аспектом её стали вольные неакадемические "реконструкции" языческой религии и мифологии.

Стоит заметить, что автор этих строк отнюдь не считает первые тысячелетия славянской истории беспросветно "тёмными веками", когда "ничего не было". Напротив, их научному исследованию он посвятил не один год, создав в итоге, как смеет надеяться, достаточно богатую и впечатляющую картину догосударственного прошлого славянских племён³.

* ipo1972@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта "Влияние исторических фальсификаций и мифов на сознание и социальное поведение современной российской молодёжи". При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведённого Фондом ИСЭПИ.

² См.: Плотникова О. А. Историческое сознание современной российской молодёжи / О. А. Плотникова // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. № 8. С. 14–21.

³ См.: Алексеев С. В. Славянская Европа V–VIII вв. / С. В. Алексеев. М. : Вече, 2009. 538 с.; *Его же*. Заря славянства. V – первая половина VI в. М. : Вече, 2015. 288 с.

Однако между научной работой по собиранию и интерпретации реального, не слишком богатого материала и вольной романтической фантазией о создавших едва ли не все цивилизации мира предках – дистанция огромного размера. Последствия же разрушения исторического сознания нации через подмену в нём реального и сложного исторического пути лестными фантазиями (как раз, кстати, на весьма "древние" темы) мы можем сейчас наблюдать воочию.

Вполне естественным является желание представить прошлое во всех его подробностях. Тем более естественно оно для исторического или историко-фантастического писателя. Но важно, делая это, и для себя самого чётко понимать границу между фантазией и реальностью.

На протяжении уже не одного десятка лет умами многих авторов *фэнтези*, и не только их, владеет желание представить язычество древних славян как нечто "не хуже" греко-римского, кельтского или германо-скандинавского. При этом и последние, стоит заметить, представляются достаточно "фэнтезийно" – в пределах то ли школьной программы с книжкой Н. Куна в плюсе, то ли (что, конечно, лучше) томов серии БВЛ. На самом деле можно долго говорить о том, что религия и мифы древних греков дошли до нас в литературной обработке, причём предпринятой в основном людьми, настроенными к ним скептически или критически. И если о религии древних римлян мы сравнительно хорошо осведомлены, то римской мифологии у нас просто нет (или есть, но не больше, чем славянской). Что же касается германских и кельтских мифов, то они сохранились в локальных, периферийных вариантах – исландском, ирландском, отчасти валлийском – и в записи не веривших в их истинность средневековых христиан. Сам факт этой записи был обусловлен случайными стечениями исторических обстоятельств – тем, что "двоеверие" в живом ещё родоплеменном укладе сосуществовало одновременно с широким распространением грамотности в светской элите; тем, что многие знатные роды низводили свои родословные в глубины языческой эпохи, к богам и мифическим героям, которых это превращало в неизбежную часть "официальной" истории.

У славян такого сочетания нигде не было. Даже в сербских землях, где долго сохранялись многие черты родоплеменного уклада, а литературное творчество несло ряд признаков архаики, "двоеверие" в любых формах из жизни образованных слоев жёстко изгонялось. С этим здесь было связано и то обстоятельство, что в эпоху расцвета сербской средневековой литературы для её авторов история государства официально начиналась с правления св. Симеона-Стефана Немани в XII в., а не с глубин языческой древности⁴.

Первое, что бросается в глаза исследователю славянских древностей – удивительная пестрота верований и мифов. Религии разных племён и местностей сильно отличались. Имена богов и их "родословные" (там, где таковые известны) тоже расходились, даже если ограничиваться рамками только восточного славянства. Хотя для исследователя-то в этом ничего удивительного нет. Многообразие и вариативность – характерные

⁴ См.: Алексеев С. В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием / С. В. Алексеев // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 148–156.

черты религий эпохи расцвета мифической картины мира, на пороге цивилизации.

Это живое многообразие, очевидное для любого серьёзного специалиста, несколько затемняется иными современными "реконструкторами"-непрофессионалами, пытающимися воссоздать мифологию "не хуже древнегреческой". Однако ничего "не хуже" закоснелой литературной формы греческих мифов у славян и быть не могло. Нашим предкам неведома была нужда согласовывать множество несхожих вариантов, навязывать им новое моральное содержание, а тем более изгонять из мифов диковатую архаику – ту самую, которая столь привлекает иных наших современников в мифах кельтов или германцев. Славяне и жили в мире этой архаики. В том и отличие славянской религии (или кельтской, или германской) от греческой, что это была религия мифа. Мифа как живого жанра устной "литературы", свободной от какого бы то ни было устоявшегося "канона", тесно переплетённой с обрядами и поверьями. А не мифа как "басни", как "памятника старины", уже слабо связанного с реальным, столь же косным и формализованным религиозным поклонением.

Так что "целостной" картины славянской религии и мифологии источники не дают и дать не могут. К тому же и число источников очень ограничено. Здесь мы попытаемся сделать краткий обзор тех из них, которые дают учёным представления о славянском язычестве.

Мы не будем говорить о той поистине огромной помощи, которую в деле восстановления древнеславянских религии и мифологии оказывают археология и языкознание. Во-первых, при всей их значимости, функции их всё же скорее вспомогательные. Во-вторых, их данные обретают "голос" только в свете свидетельств источников повествовательных. В-третьих же, интерпретации этих данных, особенно данных языка, – дело в первую очередь специалистов, и очень часто они приходят к разным выводам.

Также по недостатку места не будет подниматься и тема фальсификаций. Примеры их и так хорошо известны. Однако стоило бы отметить: общая картина, создаваемая сочинениями такого рода, настолько фантазмагорична, что противоречит всему известному нам о древних славянах. В своём стремлении сделать "не хуже" сочинители XIX–XXI вв. сделали чересчур "лучше". Их философские и космологические построения ближе не к античной религии и тем более не к верованиям германцев, кельтов или древних ариев, а к развитому индуизму, причём нового времени. Верящие – властны верить.

Все "традиционные" источники по религии и мифологии древних славян можно разделить на три группы. Первую составляют свидетельства средневековых славянских авторов, вторую – свидетельства иностранцев, также относящиеся к Средневековью, третью – фольклор.

Из средневековых славянских свидетельств больше всего древнерусских. Их вполне возможно привести в этой статье.

Упоминания языческих богов, а также клятвенного ритуала в договорах русов с Византией первой половины X в. Клятва Олега Вещего и его дружинников при заключении соглашения 907 г. описана так: "А Олега и мужей его приводили к роте по русскому закону: клялись

оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотым богом"⁵. При заключении договора 911 г. русы клялись "оружием своим" "по закону и обычаю языка нашего"⁶.

В договоре 944 г. последовательно проводится различие между принявшими уже крещение и некрещёными русами, в связи с чем уточняются и наказания, грозящие за нарушение клятвы: "Кто помыслит от страны Русской разрушить такую любовь, – то принявшие крещение да примут месть от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий; а некрещёные да не получат помощи ни от Бога, ни от Перуна⁷, да не защитятся щитами своими и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия своего и да будут рабами в сей век и в будущий"⁸. Более развёрнуто о том же далее написано: "Мы же, сколько нас крестилось, клянёмся церковью Святого Ильи в соборной церкви, предстоя перед честным крестом и хартией сей, хранить всё, что в ней записано, и не преступить ничего из этого. А если преступит кто из страны нашей, князь ли, иной ли кто, крещёный ли или некрещёный, да не получит помощи от Бога, и да будет рабом в сей век, в будущий, и да заколот будет своим оружием. А некрещёные русы полагают щиты свои и мечи свои обнажённые, и обручья свои, и прочее оружие, да клянутся всё, что написано в хартии этой, хранить – от Игоря и от всех бояр, и от всех людей, от страны Русской, в будущие годы и вечно. Если же кто из князей или из людей русских, христиан ли или нехристиан преступит написанное на хартии этой, будет достоин от оружия своего умереть и да будет проклят от Бога и от Перуна, что преступил свою клятву. И так, да будет хорошо Игорь, великий князь, хранить любовь сию, – да не разрушится, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние веки и в будущее"⁹. Здесь, таким образом, можно увидеть некоторые намёки на славянскую эсхатологию и представления о загробной участи – впрочем, совершенно "двоеверное" смешение языческих и христианских элементов оставляет такую интерпретацию под вопросом.

В договоре 971 г. Святослав клянётся так: "Как клялся я царям Греческим, и со мною бояре и Русь вся, так сохраним правый договор. Если же что из вышесказанного не сохраним, я и те, кто подо мною, да получим проклятие от бога, в которого веруем, от Перуна, и от Волоса, скотьего бога, и да пожелтеем, как золото, и своим оружием да иссечены будем"¹⁰. На этом исчерпываются свидетельства русских источников, синхронные существованию государственного языческого культа на Руси. Все остальные относятся уже к христианской эпохе.

Сведения о языческих богах, верованиях и обрядах в первых русских летописях – так называемом Начальном своде и Повести временных

⁵ Памятники русского права / ред. С. В. Юшков. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. С. 65. Здесь и далее перевод наш.

⁶ Там же. С. 6, 9.

⁷ Возможна трактовка "ни от какого бога, даже от Перуна" – но ср. ниже, где в сходной формуле речь и о христианах, и о нехристианах.

⁸ Памятники русского права. Вып. 1. С. 31.

⁹ Там же. С. 34–35.

¹⁰ Там же. С. 59.

лет. Здесь и далее мы сосредоточимся только на тех сведениях христианских источников, которые имеют прямое отношение к сфере мифологии и пантеону богов. Что касается данных о языческой обрядности, то они несколько богаче.

Начальный летописец замечает о древних полянах, основателях Киева, что хотя Кий и его братья были "мужи мудрые и смышлѣные", вместе с тем "были же погаными, жертвовали озѣрам, источникам и рощам, как прочие поганые"¹¹.

Языческие боги появляются на страницах летописи только накануне крещения Руси, при описании правления Владимира, который при вокняжении, как повествует древний автор: "Поставил на холме вне двора теремного Перуна, деревянного с головой серебряной и усами золотыми, и Хорса Дажьбога¹², и Стрибога, Симаргла, Мокошь. И жертвовали им, называя их богами, и приводили сынов своих и дочерей, и жертвовали бесам, и оскверняли землю требами своими. И осквернилась земля Русская кровью, и холм тот... И когда пришёл Добрыня в Новгород, то поставил кумир Перуна над рекою Волховом, и жертвовали ему люди новгородские как богу"¹³.

Под 988–989 гг. летописец описывает уже низвержение языческих идолов. В Киеве Владимир "повелел кумиров ниспровергнуть, и одних иссесть, а других огню предать, Перуна же повелел привязать к конскому хвосту и влечь с Горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужей приставил бить палками". И далее: "Когда влекли его по Ручаю к Днепру, оплакивали его неверные люди, – не приняли ещё святого крещения. И приволочив его, бросили его в Днепр. И приставил Владимир, сказав так: "Если где пристанет, то отпихивайте от берега, пока не пройдёт пороги, а там оставьте его". Они же повеленное исполнили; а когда отпустили, и прошёл он пороги, то извергнул его ветер на мель, и оттоле прослыла Перуна рень, как и до сего дня слывёт"¹⁴. В Новгороде епископ Иоаким "требища разрушил, и Перуна срубил, и повелел влечь в Волхов". "И повергнув вожжами, влекли его по калу, избивая палками; и заповедал никому нигде не принимать. И пошёл пидьблянин¹⁵ рано на реку, собираясь горшки везти в город. А Перун приплыл к плотине; и оттолкнул тот его шестом: "Ты, – сказал, – Перушица, досыта пил и ел, а ныне поплыви прочь!" И уплыл со свету нечистый"¹⁶.

Тема язычества вновь встаёт в летописной статье 1071 г., где много места уделено заблуждениям современников и, как следствие, смутам, поднятым языческими волхвами. Упоминается о появлении в том году волхва в Киеве, о волхвах, действовавших около этого же времени

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М. : 2000. Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 105.

¹² Такая интерпретация этого места исходит из Радзивилловского и Лаврентьевского списков "Повести временных лет", а также из сведений самого Начального свода далее о "5 богах". Во всех остальных списках "Повести" и Новгородской первой летописи стоит "Хорса и Дажьбога".

¹³ ПСРЛ. Т. 3. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Пидьба – местность под Новгородом.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 160.

в Северо-Восточной Руси и Новгороде. Волхвы предстают как языческие чудодееи и прорицатели, умевшие внушить доверие и почитание невеждам, даже большинству народа. Киевский волхв проповедовал: "Явилось мне пять богов, говоря так: „Поведай людям, что на 5-е лето потечёт Днепр вспять, а земли переступят на другие места – станет Греческая земля на Русской земле, а Русская земля на Греческой земле, и прочие земли изменятся“"¹⁷. Во время голода в Ростовской земле "встало два волхва от Ярославля, говоря: „Мы знаем, кто держит обилие в себе“". "И с тем пошли по Волге. Где приходили на погост, там называли лучших жён и говорили, что эти жёны жито держат, эта мёд, а та рыбу, а та мех. И приводили к ним сестёр своих и матерей, и жён своих; те же мечтанием своим прорезали за плечами и вынимали либо жито, либо рыбу, либо белок. И убивали многих жён, а имение их забирали себе"¹⁸. Эту "охоту на ведьм" допрашивавшему их княжескому чиновнику Яню волхвы объяснили так: "Они держат обилие. Если истребим и перебьём их, то будет недостаток. Если хочешь, то перед тобой вынем жито, рыбу или иное что". Затем они поведали ему, как, по их мнению, был сотворён человек. И здесь, и в дальнейшем описании предмета их поклонения (они-де "веруют" в бога "Антихриста", который "сидит в бездне") очевидно влияние христианских воззрений. Впрочем, можно допустить, что "Антихрист" и "сатана" попали сюда под пером летописца, который так интерпретировал действительно почитавшегося в этих местах подземного бога Велеса-Волоса. Миф о сотворении человека выглядит здесь так: "Бог мылся в бане; вспотев, отёрся ветошью и сбросил её с неба на землю. И поспорил сатана с богом, кому из неё сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Оттого, если умрёт человек, в землю идёт тело, а душа к богу"¹⁹. Естественно, в таком виде миф весьма условно может быть признан "языческим", и появился не без контактов с проникшими на Русь ересями типа богомилства.

"Повесть временных лет" дополняет сведения Начального свода очень скудно, и в этой части почти ничего по существу. Некоторые черты к образу Перуна добавляет позднейшее новгородское предание о происхождении вечевых побоищ на мосту через Волхов, вошедшее в Новгородский свод 1411 г., а потом в общерусский Свод 1418 г. Свержение Перуна описано так: "...Избивали палками и пихали, в то время вошёл в Перуна бес и начал кричать: „О горе, ох мне, достался немилостивым сим рукам!“ И бросили его в Волхов. Он же, пlying под Великим мостом, бросил палицу свою на мост, – ей и ныне безумные убиваются, утеху творя бесам"²⁰. В списках Свода 1418 г. добавляется проклятие павшего бога: "На сём пусть поминают меня новгородские дети"²¹.

Вставка в древнерусский перевод хроники Иоанна Малалы, сохранившаяся во фрагменте последнего в Ипатьевской летописи. Здесь Гефест

¹⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 191–192.

¹⁸ Там же. С. 192.

¹⁹ Там же. С. 193.

²⁰ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42 : Новгородско-Карамзинская летопись. С. 55.

²¹ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 106. Примеч. 3-3.

назван Сварогом, а Гелиос (по искусственной родословной Малалы – его сын) Дажьбогом: "По нём Феоста, то есть Сварога, назначили египтяне царствовать. Во время царствования этого Феоста в Египте упали клещи с небес, начали ковать оружие, а прежде того палицами и камнями бились. Тот же Феост закон установил жёнам выходить за одного мужа и держаться послушно, а прелюбодеек казнить повелевал – оттого и назвали его бог Сварог... И установил одному мужу одну жену иметь и жене за одного мужа выходить, а кто преступит, да ввергнуть в печь огненную – оттого прозвали его Сварогом... И после него царствовал сын его именем Солнце, то есть Дажьбог"²². Важно уточнить, что славянские тут только имена – весь сюжет заимствован у Малалы, на что не всегда обращали внимание даже специалисты.

Вставки в древнерусские переводы апокрифов. В глоссе из "Беседы трёх святителей" сказано: "Два ангела громных есть: эллинский старец Перун и Хорс-жидовин; два ангела молний"²³. Другая известная глосса такого же рода: ответ на вопрос "Сколько есть небес?" в рукописи XV в.: "Перунов много"²⁴. В древнерусском "Хождении Богородицы по мукам" приводятся имена ряда языческих богов: "Из камней сделали люди Трояна, Хорса, Велеса, Перуна, в богов превратив"²⁵.

Поучения против язычества XI–XV вв., содержащие имена богов, описания обрядов, упоминания отдельных мифологических представлений. В поучении "О посте к невежам в понедельник подробно описывается обряд поминовения духов умерших (навей): "В святой Великий Четверг предлагаю мёртвым мясо, молоко и яйца, и бани топят, и на печь льют, и пепел посреди сыплют ради следов. И говорят: „Мойтесь!“ – и чехлы вешают, и убрусы, и велят утираться. Бесы же смеются недоумию их. И войдя, моются и купаются в пепле том, след свой, будто куриный, показывая в пепле на прельщение им, и вытираются чехлами и убрусам теми. И приходят топившие баню, и ищут следы на пепле, и говорят: „Приходили к нам навьи мыться“". Далее описывается, как бесы нахваливают гостеприимство невежественных язычников – здесь бесы предстают бродячими, ходящими по разным странам в поисках подношений, что также может восходить к языческим представлениям о мертвецах²⁶.

Различные сведения о славянской религии сообщает "Слово святого Григория, как поганые языки сначала кланялись идолам и требы им клали, что и ныне творят". Автор русской переработки греческого оригинала развивает свою теорию происхождения язычества из античного мира, подставляя имена славянских богов и добавляя славянские реалии: "Начали требы творить великие Роду и Рожаницам, порождению проклятого бога Осириса... привыкли эллины класть требы Артемиду и Артемиде, то есть

²² ПСРЛ. М., 1998. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Стб. 278–279.

²³ Шапов А. П. Сочинения / А. П. Шапов. СПб., 1906. Т. I. С. 52, 403.

²⁴ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М., 1965. С. 13.

²⁵ Хождение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 1999. Т. 3. С. 306.

²⁶ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. М., 2000. Т. 2. С. 15.

Роду и Рожанице... так и до славян дошло. И они начали требы класть Роду и Рожаницам, прежде Перуна, бога их, а прежде того клали требу упырям и берегиням. По святом крещении Перуна отвергли, Христу Богу подчинившись. Но и ныне по окраинам молятся проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилам, и творят то втайне, не в состоянии отказаться и от проклятого выставления трапезы названным Роду и Рожаницам...". В другой, позднейшей редакции "Слова" имеется ещё один список древнерусских богов: "Тем же богам требы кладёт и творит и славянский язык: вилам, и Мокоши, Диве, Перуну, Хорсу, Роду и Рожаницам, упырям и берегиням, и Переплуту, для которого, вертась, пьют из рогов; и Огню Сварожичу молятся, и навям баню готовят и из теста мосты делают и колодези". Чуть подробнее говорится и о трапезе Роду и Рожаницам с осуждением попыток некоторых священников присвоить этот ритуал: "Даже и доселе второй трапезы Роду и Рожаницам... Чреву работающие попы установили прилагать тропарь Рождества Богородицы к рожаничной трапезе, получая долю"²⁷.

Восходящее к тому же памятнику "Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере", в котором появляется слово "двоеверие", обличает тех, кто называется христианами, при этом "веруя в Перуна и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима и в Ргла [так!], и в вил, которых числом 30 сестёр, – как невежды говорят, считая их всех богинями, – и кладут им требы, и кур им режут. И Огню молятся, называя его Сварожичем, и чеснок богом считают...". Далее среди прочего упоминается о том, как "молятся под овином Огню, и вилам, и Мокоши, Симу, Реглу, и Перуну, и Волосу, скотьему богу, Роду и Рожаницам, и всем тому подобным"²⁸.

В апокрифическом "Слове и откровении святых апостолов", переделанном с южнославянского перевода, осуждаются те, кто счёл богами "Перуна и Хорса, Дья²⁹ и Трояна, и иных многих, – а это люди были: Перун старейшиной у эллинов, а Хорс на Кипре; Троян был царём в Риме..."³⁰.

"Слово св. Иоанна Златоуста о том, как сначала поганые веровали в идолов и требы им клали", как и близкое "Слово святого Григория", содержит русские вставки в восходящий к подлинному Слову святого текст. Здесь тоже отмечается, что язычники верят в: "Перуна, Хорса, вил и Мокошь, упырей и берегинь, которых называют тридевят сестёр, а иные в Сварожича веруют и в Артемиду, которым невежественные люди молятся и кур им режут... А другие, к колодцам приходя, молятся... А другие огню, и камням, и рекам, и источникам, и берегиням...". После описания различных языческих игрищ и обрядов, в том числе трапезы навей, добавлено: "Другие веруют в Стрибога, Дажьбога и Переплута, для которого, вертась, пьют из рогов". Дальше следует перечень различных суеверий³¹.

²⁷ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. М., 2000. Т. 2. С. 22–25.

²⁸ Там же. С. 41, 43.

²⁹ Заимствование из "Хроники Георгия Амартола"; имеется в виду Дий-Зевс.

³⁰ Гальковский Н. М. Указ. соч. С. 51–52.

³¹ Там же. С. 59–60.

Чудовская редакция "Слова Григория" отмечает, что берегинь "считают семь сестёр". Кроме того, называется ещё целый ряд богов и духов, которым приносятся жертвы: "кутну богу и Веле-богине, и ядрею, и обилухе, и скотному богу, и попутнику, и лесному богу, и спорыньям, и спеху"³².

"Слово о неделе" в целом посвящено суеверным представлениям и осуждению игрищ, но здесь можно найти некоторые сведения и о почитании языческих богов, – правда, весьма неясные: "Неверные написали свет болваном [*т.е. сделали идолом.* – Прим. авт.] и кланяются ему...". Из дальнейшего можно заключить, что на Пасху и вообще по воскресеньям язычники молились идолу Неделе, воплощавшему праздничный день. Упоминается среди грехов "выставление трапезы Рожаницам" и "требы, полагаемые вилам"³³.

Имеется специальное "Слово о ставящих вторую трапезу Роду и Рожаницам", приписанное Иоанну Златоусту, однако практически никаких дополнительных деталей оно не содержит³⁴.

Мифологическое представление, связанное с Родом, упоминается в статье "О вдуновении духа в человека": "Это не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груди, и оттого рождаются дети"³⁵.

В относящемся уже к началу XV в. "Слове, как подобает христианам жить", среди многих суеверий упоминается о вере в демона Трясу и оберегах от него³⁶. В то время такие поверья, несомненно, уже были гораздо актуальнее веры в забывавшихся богов пантеона, не упоминаемых в этом Слове и вскользь.

"Слово о полку Игореве", поэтические метафоры которого восходят к языческой эпохе и содержат упоминания языческих богов и духов. Легендарный песнотворец Боян именуется "Велесовым внуком". О нём говорится, что он "скакал, соловей, по мысленному древу, летая умом под облака, свивая славу обапол сего времени, рыща в тропу Троянову чрез поля на горы". Когда Игорь выступил в поход, "взвился Див, кличет вверху древа, велит послушать земле неизвестной", предупреждая половцев. Ветры называются "Стрибожьими внуками". К языческой поэтической традиции может восходить именование половцев "детьми бесовыми". Времена, предшествующие "летам Ярославовым", называются "веками Трояновыми". О усобицах на Руси говорится: "Погибает жизнь Дажьбожа внука". После поражения Игоря "встала Обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Троянову, заплескала лебедиными крыльями на синем берегу Дона". Тогда же "кликнула Карна, и Жля поскакала по Русской земле, огонь людям разливая из пламенного рога". Несколько ниже, в похожем контексте: "На реке Каяле тьма свет покрыла... уже свергся Див на землю". Полоцкий князь Всеслав, который "в ночи волком рыскал, из Киева добежал до петухов Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегая". В плаче Ярославны княгиня

³² Гальковский Н. М. Указ. соч. С. 33–35.

³³ Там же. С. 78–83.

³⁴ Там же. С. 86–89.

³⁵ Там же. С. 97.

³⁶ Там же. С. 108.

обращается к Ветру и Днепру Словутичу, как к живым существам. Ниже Игорь так же беседует с Донцом³⁷.

Отдельные языческие образы, с уже гораздо худшим их пониманием, присутствуют и в памятниках Куликовского цикла – "Задонщине" и "Сказании о Мамаевом побоище". В "Задонщине": "Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям", "Диво кличет под саблями татарскими", "Уже ведь свержено Диво на землю" (о победе русских). Всё это – явно не очень удачные заимствования непонятной уже поэту метафоры "Слова". В плаче боярских жён одна из них обращается к Дону, но это уже просто поэтический образ реки, а не языческое олицетворение (Дон как река именуется в женском роде!). Так же, видимо, следует понимать и обращение коломенских женщин к Москве-реке³⁸.

Своеобразно увенчивает уход от языческих образов их более чем своеобразное появление в "Сказании о Мамаевом побоище". Здесь терпящий поражение Мамай, "увидев свою погибель, начал призывать богов своих [!]: Перуна, Салавата, Раклия, Гурса и великого своего пособника Махмута"³⁹. Симаргл (спутанный с Гераклом) и Хорс здесь едва распознаются.

Отдельные, довольно редкие упоминания языческих богов и обрядов в житийной литературе XI–XIII вв., как правило, лишь незначительно уточняют то, что нам и так известно из других источников. Житие Авраамия Ростовского сообщает об особом почитании в Ростове Велеса. Чудской конец города ещё и во времена Авраамия (первые десятилетия XII в.) поклонялся каменному идолу Велеса, который был сокрушён святым⁴⁰.

Старейшее Житие св. Владимира ("Память и похвала"), написанное Иаковом Мнихом, вероятно, ещё в XI в., ранее летописных источников, говорит о князе, что он "поганских богов, а вернее бесов, Перуна и Хорса, и иных многих, попрал, и сокрушил идолов"⁴¹. Проложное Житие святого князя уже восходит к летописи, и перечень идолов здесь полнее: "Избил всех идолов – Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь, и прочих кумиров"⁴². В Обычном и позднейшем Распространённом Житиях наряду с дословным повторением рассказа летописи о свержении Перуна есть оригинальное сведение – упоминается идол Волоса в Киеве, о коем умалчивает летопись: "Волоса-идола, которого именовали скотыим богом, велел в Почайну стащить"⁴³. В Распространённом Житии отмечается, что на горе, где стоял Перун, поставили церковь Св. Василия, причём в одной редакции гора называется "Ликофрос", т.е. Ликейская, чем устанавливается параллель между Перуном и Аполлоном. Впрочем, в другом списке

³⁷ См.: Слово о полку Игореве // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 254–266.

³⁸ Задонщина // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 120–136.

³⁹ Сказание о Мамаевом побоище // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 200.

⁴⁰ Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI–XVI вв.): сб. / сост. В. В. Кусков. М.: Сов. Россия, 1982. С. 130–134.

⁴¹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси / Н. И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 419.

⁴² Там же. С. 436, 442.

⁴³ Там же. С. 448, 458, 464. В одной из редакций Распространённого Жития Волос назван Велесом – единственное четкое свидетельство тождества этих двух имён.

с ним отождествлён Велес⁴⁴. О том, что Владимир "безбожного Перуна и кущу бесовскую сокрушил", упоминается и в старейшей Службе ему⁴⁵.

Единственный относительно достоверный список языческих богов Польши составлен хронистом Яном Длугошем только в XV в. О степени его достоверности учёные спорят. В нём фигурируют следующие боги: Еша (отождествлён с Юпитером), Ляда (отождествлён с Марсом), Дзидзилля (отождествлена с Венерой), Дзевана (отождествлена с Дианой), Маржана (отождествлена с Церерой), Погода ("Соразмерность") и Жива ("Жизнь")⁴⁶.

Позднейшие польские, чешские, а также западнорусские авторы, как правило, просто додумывали имена языческих божеств на основе списка Длугоша, народных поверий своего времени и собственной фантазии. Правда, в нескольких чешских памятниках XIV–XVI вв. вскользь упоминается Велес. Судя по этим упоминаниям, он помещался "за морем", отождествлялся или сблизжался с "чёртом", "змеем"⁴⁷.

Южнославянские авторы тоже писали поучения против язычества. Возможно, что часть древнерусских поучений имеет в своей основе болгарские тексты. Но в целом они до нас не дошли, а сохранившаяся полемическая литература направлена против еретиков. Даже в сербских памятниках при всей значительности языческих пережитков в сербской культуре язычество в качестве угрозы упоминается вскользь по сравнению с богомильской ересью и лишь в смешении с ней. Упоминания о языческих обрядах носят здесь стандартный и формальный характер. Единственное в средневековой южнославянской книжности упоминание языческого божества – замена в болгарском переводе той же хроники Малалы имени "Зевс" на "Порун" (фрагмент относился к Александру Македонскому как "сыну Зевса" и сохранился в болгарской "Александрии"⁴⁸).

Помимо перечисленного к сфере мифологии относятся предания о героях-предках, сохранившиеся в "официальной" исторической памяти гораздо лучше мифов о богах. К категории таких легендарных, полубожественных для язычников предков можно отнести на Руси Кия, в Польше – Крака и Леха-Лешка, в Чехии – Крока и Пржемысла, в сербских землях – Остроила и его наследников, в Болгарии – "царя Слава" и вошедшего в славянские мифы исторического хана Аспаруха. Естественно, что из всех этих преданий в записи христианских летописцев, как правило, последовательно удалялись или получали осуждающую интерпретацию мифологическая фантастика и языческая архаика. Так что первоначальный вид мифов о первопредках – тоже предмет научной реконструкции.

Вторую группу источников составляют свидетельства средневековых иностранных авторов. Первым в этом ряду стоит византиец Прокопий Кесарийский (VI в.) со своим известным упоминанием о почитании славянами бога-громовержца и некоторых славянских ритуалах. Наряду

⁴⁴ Милютенко Н. И. Указ. соч. С. 458, 461.

⁴⁵ Там же. С. 481.

⁴⁶ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995. С. 12.

⁴⁷ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Указ. соч. С. 5, 74.

⁴⁸ Истрин В. А. Александрия Русских хронографов: Исслед. и текст / В. А. Истрин. М.: Унив. тип., 1893. С. 114–116.

с отдельными менее чёткими сведениями арабских географов IX–X вв., а также упоминавшего русские языческие жертвоприношения византийца же Льва Диакона (X в.) – это единственные известия, относящиеся ко времени господства язычества у всех славян. Латинские авторы того времени лишь говорят о язычестве славян, даже соседних, но не, собственно, о богах или ритуалах. Только с XI в. в латинских источниках из Германии и Дании появляются многочисленные сведения о язычестве противников и соседей – полабских славян. Перечисляются имена богов, очень часто без функций, описываются храмы, обряды, жреческая иерархия. Во всех случаях это лишь внешние свидетельства, достоверные настолько, насколько миссионеры и крестоносцы нуждались в "справочной" информации (и насколько эта информация была им понятна и доступна). После XIII в., когда полабско-поморские земли были завоёваны немцами, а их население начало принудительно ассимилироваться, оригинальные сведения такого рода сходят на нет. Антиквары позднего Средневековья, так же как и дальше на восток, нередко присочиняли имена богов и разного рода связанные с ними детали. Новую информацию такого рода ввиду полного истребления языческой веры и онемечивания потомства её носителей почерпнуть было просто неоткуда.

Фольклор и обряды в записях нового времени, конечно, уже вряд ли могут служить надёжным источником знания о языческих традициях тысячелетней давности. Определённые следы последних сохраняются, только следы эти нуждаются в тщательной реконструкции. Путь такой реконструкции может быть тройным. Первый вариант – тщательное сопоставление обрядов, фольклорных текстов и сюжетов различных славянских народов и их групп. С помощью такого сопоставления можно выявить мотивы и элементы, восходящие и ко временам славянского единства, и к различным этапам его распада – вплоть до древнерусской эпохи. Если этот путь можно назвать "экстенсивным" ввиду широты охвата, то второй можно обозначить как "интенсивный" – и это, действительно, интенсивное исследование фольклора и обрядности отдельных регионов славянского мира, где в силу географической изоляции или иных причин долго сохранялись пережитки родоплеменной эпохи. Это прежде всего сербские земли, горная Словакия, а в восточнославянском ареале – Полесье и Карпатский регион.

Самым сложным в смысле надёжности (и в то же время дающим наиболее очевидные результаты) является третий путь, отчасти комбинированный. Это поиск в средневековых источниках прямых параллелей и ясных корней для записанных в новое время преданий. Иногда они сохраняют мифологический подтекст, удалённый некогда из средневековых повествований. В то же время следует отметить, что подобные случаи – помимо первых двух путей – довольно редки. Так, упоминание у датского хрониста XIII в. Саксона Грамматика "короля Руси" Боя находит прямую параллель в белорусских мифологических преданиях XIX в. о князе-родоначальнике Бое, или Бае. Распространены в степном порубежье от Дона до Западного Буга предания о "божьем ковале", победителе Змея и создателе Змиевых валов. Эти предания, судя по распространённости восходящие как минимум к домонгольской эпохе, помогают лучше

понять миф о кузнеце Свароге и летописное предание о Кие ("кузнеце", по одному из толкований имени языковедами) и сами могут быть лучше поняты в их контексте. Ещё один, более сложный пример – новгородские предания о князе-оборотне Волхе, давшем имя Волхову. Записанные в XVII и в крайне разложившемся уже виде в XIX в., они, тем не менее, заметно старше и содержат параллель с развивавшейся независимо от них северорусской былине.

Иногда в позднем фольклоре встречаются и имена языческих богов, известные по средневековым источникам. Не говоря о многочисленных преданиях, где с древними богами (как настоящими, так иногда и выдуманными) связываются названия местностей, имеется и ряд более очевидных примеров. В восточнославянских песнях и поверьях XIX в. ещё помнились громовержец Перун и Дажьбог. В болгарских "мифологических" песнях, где часто ищут следы языческих мифов, Солнце и Огня выступают как братья (в соответствии с данными древнерусских источников Солнце-Дажьбог и Огонь – оба Сварожичи). Нечего и говорить, что, несмотря на выразительность и ценность для учёных, все эти сведения крайне отрывочны.

То же, конечно, можно сказать и о славянской мифологии и религии в целом. Тем не менее кропотливый труд многих поколений учёных позволяет не без загадок и расхождений, но познавать мир языческой религии. Созданная ими на действительных источниках картина не всегда величественна и романтична, но, во всяком случае, она ближе к исторической реальности.

Ключевые слова: *славяне – язычество – источниковедение – историческая мифология – популярная литература.*

Keywords: *Slavs – paganism – sources – historical mythology – pop-fiction.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С. В.* Заря славянства. V – первая половина VI в. / С. В. Алексеев. – М. : Вече, 2015. – 288 с.
2. *Алексеев С. В.* Сербская историческая агиография: между хроникой и житием / С. В. Алексеев // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 148–156.
3. *Алексеев С. В.* Славянская Европа V–VIII вв. / С. В. Алексеев. – М. : Вече, 2009. – 538 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 4. – 687 с.; – 1999. – Т. 3. – 413 с.; Т. 6. – 583 с.
5. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – М., 2000. – Т. 2. – 316 с.
6. *Задонщина* // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1999. – Т. 6. – С. 120–136.
7. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1965. – 246 с.
8. *Истрин В. А.* Александрия Русских хронографов : Исслед. и текст / В. А. Истрин. – М. : Унив. тип., 1893. – 739 с.

9. Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси / Н. И. Милотенко. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2008. – 578 с.
10. Памятники русского права / ред. С. В. Юшков. – М. : Госюриздат, 1952. – Вып. 1 : Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. – 287 с.
11. Плотникова О. А. Историческое сознание современной российской молодёжи / О. А. Плотникова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2013. – № 8. – С. 14–21.
12. Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI–XVI вв.) : сб. / сост. В. В. Кусков. – М. : Сов. Россия, 1982. – С. 130–141.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1998. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 648 с.; Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. – 704 с.; 2000. – Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. – 320 с.; СПб., 2002. – Т. 42 : Новгородско-Карамзинская летопись. – 221 с.
14. Славянская мифология. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
15. Шапов А. П. Сочинения / А. П. Шапов. – СПб., 1906. – Т. I. – 803 с.